

Попутно он связался с «королём Северо-Запада» Фэн Лянькуем, «королём Шаньси» Ли Цзинчэном и несколькими командирами революционной армии из Гуанчжоу, подстрекая их поднять мятеж. Причина была лишь одна: главнокомандующий, пренебрегая справедливостью и милосердием, отдал всю свою жизнь, чтобы завоевать для него империю, а в ответ получил лишь предательство. Сегодня он требует сократить войска, завтра — отнять жизнь.

Этот принцип был понятен даже старым ветеранам, а если кто-то и не понимал, то всё равно не желал покорно ждать своей участи. Гуанчжоуская армия первой разожгла пламя всеобщего хаоса, но вскоре была подавлена. Это стало камушком, вызвавшим лавину, и мелкие и крупные сражения вспыхивали одно за другим.

Через полмесяца дучзюнь Чжэцзяна Су Цичжэн прибыл на маленькую станцию для смотра войск. Кроме армии Цзинь Ванькуня, он не увидел ни одного солдата из армии Юэ. Су Цичжэн знал, что Юэ Гуаньшань упрям, но не ожидал, что тот взорвёт трибуну для смотра, окружит станцию и будет подстрекать его к мятежу, угрожая в противном случае двинуться на резиденцию дучзюня и свергнуть его.

В глазах этих людей Юэ Гуаньшань совсем не походил на князя-завоевателя Юэ. В свои двадцать с небольшим он был горячим и импульсивным, в отличие от хитроумного Цзинь Ванькуня. Дучзюнь Су весьма благоволил к нему, желая сохранить его как противовес Цзинь Ванькуню, чтобы тот не узурпировал всю власть. К счастью, у Су не было сына, иначе тот давно бы уже сел ему на шею.

Су Цичжэн использовал все возможные уговоры, но Юэ Гуаньшань не поддался. Он даже приказал обстрелять станцию несколькими снарядами, заявив, что если Су не согласится объединиться против Чан Кайши, то сначала начнётся внутренняя смута.

Цзинь Ванькунь нашептывал дучзюню Су, что уже давно знал о намерениях этого молодого выскочки поднять мятеж. К счастью, они были готовы. Лу Цзинтин за десять дней до этого заметил неладное и немедленно отправил человека, переодетого поваром, чтобы передать сообщение. Это было не предательством, а попыткой уберечь Юэ Гуаньшаня от опасности. Получив сообщение, Цзинь Ванькунь срочно отправил в Нинбо отряд личной гвардии. Схватив Сюэ Чунъи и других высокопоставленных чиновников, они выполнили принцип «сначала схвати главаря».

Чтобы не спугнуть Юэ Гуаньшаня, Цзинь Ванькунь не распространял никаких слухов, ожидая, когда тот сам попадёт в ловушку. Его дерзкий взрыв трибуны дал Цзинь Ванькуню повод написать на него жалобу, чтобы укрепить своё положение как правой руки дучзюня.

Су Цичжэн, разозлённый его поведением, схватил приступ астмы. Цзинь Ванькунь сказал ему, что с этим парнем нужно говорить жёстко. Пользуясь численным превосходством, Цзинь Ванькунь выдвинул артиллерию, чтобы дать Юэ Гуаньшаню отпор.

После первого столкновения Юэ Гуаньшань понял, что дело плохо. Кто-то из его окружения предал, и он сразу догадался, что это был старый знакомый Лу Цзинтин. В ярости Юэ

Гуаньшань упёрся и поклялся не отступать, пока не сокрушит Цзинь Ванькуня.

К сожалению, кроме прямых войск семьи Юэ, все остальные армии были разоружены Су Цичжэном. Эта битва была проиграна из-за неравенства сил. Никто не смеялся над ним, считая его просто ребёнком, который, не добившись своего, упрямится до конца. Юэ Гуаньшань был загнан в угол и после последнего боя, прорвав окружение, вынужден был отступить на север, вернувшись в свою старую базу на Хребте Зелёного Леса.

Перед отходом Юэ Гуаньшань не забыл отправить Ван Сяоху за Лун Юйлинем, но тот уже исчез, взбунтовавшись и уведя свои две тысячи человек обратно в Бэйпин.

С наступлением ночи армия Гэ расположилась на обширной безымянной равнине. Был разгар лета, и трава была густой, а в зарослях прятались кровососущие насекомые. Лун Юйлинь развёл костёр под старым тополем, выжигая чёрное пятно на земле. Он расстелил свою военную куртку на земле и, прислонившись к стволу дерева, расслабился.

Цзинь Луаньдянь привязал лошадь и протянул Лун Юйлиню армейскую флягу. Сев рядом, он посмотрел на звёздное небо, вспомнив ту ночь, когда небо было окутано чёрными тучами, и ничего не было видно. Он шёл, опираясь на палку, по неровной и мрачной дороге, крича, но никого не находил, пока не встретил Юэ Гуаньшаня и не сел на его лошадь. Военная форма была слишком большой и мешковатой, ледяной ветер проникал сквозь рукава и штанины, но у него был Юэ Гуаньшань и костёр.

Было душно, земля ещё хранила остатки дневного зноя. Неподалёку горел другой костёр, где несколько солдат жарили кролика и карпа.

Лун Юйлинь сделал несколько глотков воды и указал на группу солдат:

— Ты не голоден? Почему не идёшь поесть?

Цзинь Луаньдянь почесал покрасневшее и зудящее лицо, чувствуя апатию:

— Днём ел печенье.

Лун Юйлинь, зная ответ, спросил:

— Почему ты такой вялый?

Цзинь Луаньдянь развязал обмотки и стал снова наматывать их на ноги:

— Брат, мне тяжело на душе, пустота.

Лун Юйлинь положил горячую ладонь на его шею, затем медленно обнял:

— Ты жалеешь, что пошёл со мной?

Цзинь Луаньдянь покачал головой:

— С кем бы я ни пошёл, мне всё равно пусто. Жизнь стала слишком спокойной, и любое движение вызывает дискомфорт. Кажется, что я всё время скитаюсь, у меня нет дома.

Лун Юйлинь посмотрел на бескрайнюю равнину:

— Наш дом в Шанхае. Когда-нибудь я отведу тебя туда. Десять тысяч человек могут сделать что угодно. Почему мы должны быть побеждёнными? Если постараться, лучшие дни ещё впереди.

Цзинь Луаньдянь подвинулся и лёг, положив голову на колени Лун Юйлиня. Тот посмотрел на него, и свет луны и звёзд очертил его силуэт. Оказалось, что его младший брат был хрупким и слабым парнем, который выбрал неверный путь:

— Проклятый Цзинь, чему ты учишься? Ты перенял от отца привычку путаться с мужчинами.

Цзинь Луаньдянь шлёпнул его по лицу:

— Не говори так о моём отце.

Лун Юйлинь усмехнулся, убрал его руку, и поддразнил:

— Как твой отец женился на твоей матери и родил тебя? Как мой отец родил меня? Так что, как могут два мужчины быть вместе долго? Даже если он тебя любит, а ты его, это всего лишь игра. В конце концов, каждый пойдёт своей дорогой. Разве не лучше рано жениться, завести детей и жить спокойно? Ты что, слишком беден, чтобы содержать семью, или слишком уродлив, чтобы найти жену?

Лун Юйлинь начал поучать:

— Ты любишь с ним путаться, потому что не знаешь женщин. Увидишь женщину, и больше не захочешь мужчин. У него есть пышная грудь и округлые бёдра? Это же грубый мужик, даже прикоснуться неприятно.

Цзинь Луаньдянь поднял свои ресницы, похожие на веер:

— А ты? Почему, увидев вторую дочь Гэ, не влюбился? Она что, уродина?

Лун Юйлинь ответил:

— Нет, она красивая. Она и её мать, обе сварливые, трудно угодить.

Цзинь Луаньдянь отодвинул прядь волос на виске и взял руку Лун Юйлиня, чтобы тот почувствовал старый шрам:

— Брат, когда ты был маленьким, ты сильно ссорился с отцом и толкнул меня с лестницы. Ты сказал, что маму убил отец. Почему?

Лун Юйлинь с детства не знал матери и ничего не помнил о ней, со временем это перестало его волновать:

— Не знаю. Я слышал от двух служанок, что у моей матери было психическое заболевание.

Цзинь Луаньдянь невольно сказал:

— Раньше мама говорила мне, что у матери третьего брата тоже было психическое заболевание, и запрещала мне с ним играть, говоря, что он пил её молоко и тоже мог сойти с ума.

Лун Юйлинь не уловил намёка, но вспомнил о Бай Хунци:

— У Аци действительно есть проблемы. Не смотри, что он обычно спокоен, когда злится, это страшно. Хорошо, что ты его не обидел, если бы он захотел тебя ударить, ты бы не справился. Но это из-за того, что его доводят, когда он злится, он всё ломает.

Цзинь Луаньдянь усмехнулся:

— Я послушный.

После ночного ветра лицо Цзинь Луаньдяня всё ещё было влажным и прохладным. Лун Юйлинь вытер его рукавом и улыбнулся:

— Ты послушный.

Цзинь Луаньдянь заснул, а Лун Юйлинь размышлял о своих словах. Чувства не иссякли, всё это было лишь глупостью влюблённого юноши.

Лун Юйлинь вёл свои войска обратно в Чэндэ, проходя через Тяньцзинь. Единственный путь лежал через Хребет Зелёного Леса, который находился на перекрёстке дорог. Если это был свободный торговый путь, то Хребет Зелёного Леса оправдывал своё название; но если его занимали разбойники, то это был «Хребет Слепца».

Не случайно Юэ Гуаньшань преградил путь Лун Юйлиню.

Под палящим солнцем рыжая лошадь Юэ Гуаньшаня едва могла открыть глаза, её густые ресницы прищурились. Юэ Гуаньшань с горькой усмешкой произнёс:

— Командир Лун, мой брат, на этот раз я действительно потерял и жену, и войско. Сегодня удачный день, верни мне хотя бы жену!

Лун Юйлинь с презрением ответил:

— Юэ Гуаньшань, советую тебе быть благоразумным. Без Су Цичжэна я не знаю, как долго ты сможешь оставаться таким величественным.

<http://bllate.org/book/15577/1386918>